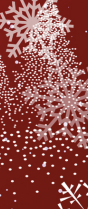
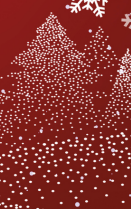
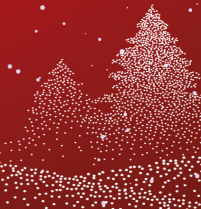

**БОЛЬШАЯ
КНИГА**

РОЖДЕСТВЕНСКИХ

РАССКАЗОВ

Владимир Зоберн
Большая книга
рождественских рассказов
Серия «Воскресная школа»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/48845000>

Большая книга рождественских рассказов/ Зоберн Владимир

Михайлович: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-119028-6

Аннотация

<rp>Неповторимая атмосфера светлого праздника Рождества Христова вместе с классиками всемирной литературы! Увлекательные рассказы о главных человеческих чувствах, о радостях и бедах, об испытаниях, которые обернутся торжеством веры и любви, станут чудом!**</rp><rp>**Вы побываете в пещере, где родился Младенец Иисус, разгадаете семейную тайну, увидите, как воцаряется мир в домах, станете свидетелями счастливого спасения... Вы будете грустить, смеяться и радоваться Рождеству, снова прикасаясь к вечным темам, размышляя о смысле жизни, о любви и надежде, о том, что такое настоящее счастье!**</rp>**

Содержание

Предисловие	6
Рассказы зарубежных писателей	11
Мария Луиза Раме (Уйда[1])	11
Птицы в снегу	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Зоберн

Большая книга

рождественских рассказов

ДОПУЩЕНО К РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИЗДАТЕЛЬ-
СКИМ СОВЕТОМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ИС Р19-913-0512

Предисловие

Рождество Христово – праздник свершившегося чуда. Каждый год – новое и волнующее переживание удивительной Святой ночи, когда среди нас родился Бог.

Рождество воспевалось в человеческом творчестве с незапамятных времен. В Средние века народ радовался рождественским мистериям – религиозным театрализованным представлениям. Огромный пласт народной культуры, связанный с великим праздником, дошёл до наших дней – это всем известные рождественские гимны и колядки, хождение со звездой, создание игрушечных вертепов и, конечно, украшенная ёлка.

Но когда же Рождество вошло в большую литературу, создавая новую традицию? Когда родился жанр святочного, или рождественского, рассказа, представляющий читателям яркие истории из жизни, новеллы, притчи, сказки, овеянные духом зимнего праздника, осиянные светом Вифлеемской звезды?

В середине XIX века великолепный Чарльз Диккенс представил на суд читателей свои рождественские истории. Он публиковал их в декабрьских номерах журналов «Домашнее чтение» и «Круглый год». Всего историй было пять, и среди них наибольшую известность приобрела «Рождественская песнь в прозе», носившая подзаголовок «Святочный

рассказ с привидениями». Да-да, была такая традиция, собираясь на Святках, пугать друг друга страшилками. Но книга Диккенса не «ужастик» и рассказывает она не о привидениях, а о духе Рождества, о чуде возрождения погибающей души – излюбленная тема творчества писателя. К этой теме он обращается и в своём произведении «Сверчок за очагом». Именно оно представляет в нашей книге цикл «Рождественские повести». Обычно «Сверчка» не включают в современные сборники рождественских произведений, видимо, потому, что Рождество и Святки в нём не упоминаются, хотя дело происходит в январе и мы видим и зимний английский туман, и серебрящийся иней, и лёд на воде, и звёздную ночь...

На самом деле во времена Диккенса, наверное, вполне было достаточно приуроченной к празднику публикации, ведь это самый что ни на есть настоящий святочный рассказ, каким он и был задуман писателем. В нём есть любовь и тайна, уют и тепло домашнего очага, немного волшебства, противостояние добра и зла и, конечно, тот финал, какой и должен быть в классическом рождественском рассказе.

Кстати, именно истории Диккенса дали нам возможность говорить о рождественском рассказе как о жанре. Хотя до Диккенса к теме Рождества обращались и другие писатели (Э. Т. А. Гофман, Н. В. Гоголь), но «Рождественские истории» приобрели такую популярность, что из подражаний им и родился жанр литературного святочного рассказа. И кто только ни писал эти рассказы, радуя ими на праздники по-

чтеннейшую публику! Даже не особо верующие писатели с удовольствием сочиняли их. Надо сказать, что в основе классического святочного рассказа лежит чудо – будь то нечто необычное, свершающееся в духовной жизни, или же откровенно сказочное, а может быть, и происходящее в рамках привычных для нас реалий. Но главное здесь – осознание того, что в удивительную рождественскую ночь как бы расширяется пространство, Небеса сходят на землю, материальное подчиняется духовному. Чудом может быть, как у Диккенса, преобразование человеческой души или же спасение от гибели, неожиданная помощь в трудной ситуации.

Но Рождество в литературе представлено не только классическими святочными рассказами. Охотно писали на эту тему и притчи, и сказки.

Например, немало рождественских сказок у знаменитой создательницы путешествующего с гусями Нильса – Сельмы Лагерлёф. Она была первой женщиной-писателем, получившей Нобелевскую премию (в 1909 году) – «...в знак признания возвышенного идеализма, яркого воображения и духовного восприятия, характеризующих её труды...» Легенды, сказы, сказки Скандинавии – на этой почве возросла писательница Лагерлёф. Перенеся тяжёлую болезнь, она научилась мечтать, сочинять свои волшебные истории и не унывать – сказки помогали ей в этом. На всём творчестве Лагерлёф лежит отпечаток её мировоззрения, а она была искренней христианкой, готовой помочь людям не только словом,

но и делом. Так, например, в годы, предшествовавшие Второй мировой войне, Сельма Лагерлёф помогала германским художникам и писателям спастись от преследований нацистов.

А другой знаменитый сказочник писал о себе: «Жизнь моя – настоящая сказка, богатая событиями, прекрасная! Если бы в ту пору, когда я бедным, беспомощным ребёнком пустился по белу свету, меня встретила на пути могущественная фея и сказала мне: “Избери себе путь и дело жизни, и я, согласно с твоими дарованиями и по мере разумной возможности, буду охранять и направлять тебя!” – и тогда жизнь моя не стала бы лучше, счастливее, радостнее...» А сказал это Ганс Христиан Андерсен. Он начал писать сказки в зрелом возрасте, и они принесли ему величайшую славу.

Собственно, именно Ганс Христиан положил начало такому явлению, как литературная сказка. Многие сказки Андерсена могут быть непонятны современному читателю, их финалы покажутся ему грустными и трагичными, в то время как для христианина Андерсена они были светлыми и жизнеутверждающими, и, чтобы понять это, надо попытаться взглянуть на сюжеты таких сказок именно глазами их автора.

Представлены в этой книге и многие другие истории, действие которых происходит в Рождество и Святки. Некоторые из них нельзя отнести к классическим святочным рассказам, но все эти произведения представляют собой яркие

и необычные образцы творчества их создателей.

Рождество – время чудес. И эта книга приобщит вас к чуду, создаст праздничное настроение, подтолкнёт к размышлениям на вечные темы – о смысле жизни, о любви и надежде, о том, что такое настоящее счастье!

Рассказы зарубежных писателей

Мария Луиза Раме (Уйда¹)

Птицы в снегу

Зима была такая суровая, какой никто не припомнит, и была она сурова повсеместно. Снег валил густыми хлопьями, непрерывно, залепляя всем прохожим глаза. Он причинил много несчастий на воде и на суше: было несколько случаев кораблекрушений, занесения рельсов, задержки железнодорожных поездов, остановки почтовых служб, страшного замедления сообщений почти во всех провинциях южной Англии, а там, далее, на холодном, мрачном севере, эти сообщения даже совсем прекратились. И представьте себе, в самой южной провинции, в Девоншире, снег лежал также глубокими сугробами, а лёд образовал на реках толстую кору – в этом благорастворённом влажном климате, где даже

¹ Уйда – псевдоним английской писательницы Луизы де ла Раме (Marie Louise de la Ramée), произошедший от детски неправильного произношения её имени Луиза. Родилась в Англии от матери-англичанки, но отец был француз (отсюда французская фамилия). Большую часть жизни прожила в Италии, на собственной вилле под Флоренцией. Литературное наследие составляет более 70 томов.

и в зимнее время нередко цветут розы, дуют тёплые южные ветры и всё зеленеет, как в июле.

Этим обстоятельством были особенно поражены маленькие обитатели старого дома священника, что возле реки Дарт. Никто из них, кроме старшего – Рэя, которому было не более семи лет от роду, никогда не видел земли, покрытой снегом. Если же Рэй и получил о зиме некоторое представление, то это потому, что однажды провёл Святки у своей крёстной матери, жившей в покрытой тундрами и болотами местности Ист-Райдинга. Но его братья и сестры, Роб, Том и Дикки, и две крошечные младшие девочки-близняшки, Сузи и Нелли, никогда не видели земли под сплошным белым покровом, так что при взгляде на него им стало и весело, и боязно.

Итак, эти шестеро маленьких детишек жили в доме священника. Отец их был тот самый священник, которому принадлежал этот дом, а их мать... – увы, у бедняжек не было матери, потому что Бог взял её к себе на Небеса (как им говорили) в ту самую минуту, когда Он послал на землю с Небес Сузи и Нелли.

– Это, может быть, пёрышки от крыльев мамы, – глядя на тихо опускавшиеся хлопья ослепительно белого снега, сказал маленький Роб, который хорошо помнил мать и до сих пор часто плакал по ней.

– Если бы у неё были крылья, то она, наверное, прилетела бы к нам, – сказал Рэй, внимательно смотря вверх. – Я не

думаю, чтобы у неё были крылья; конечно, нет.

– Но ведь папа говорит, что она теперь сделалась ангелом, а у ангелов всегда есть крылья, – заметил Роб, который отличался от других положительностью своих взглядов и мнений.

– Уж она, разумеется, воротилась бы к нам, если бы могла летать, – сказал Рэй. – Это, впрочем, если Бог отпустит её сюда, – прибавил он в виде глубокомысленного рассуждения. – А как вы думаете? Если бы она сказала Богу: «Мне хочется поцеловать Роба, и Рэя, и Тэмми, потому что им скучно без меня», то неужели бы Он не отпустил её к нам?

Роб помолчал несколько секунд, потом сказал своему брату:

– Папа всегда говорит, что мама уже не придёт опять к нам; может быть, и Бог точно так же скажет: «Нет, я не пущу тебя туда».

– Конечно, может быть и так, – сказал Рэй, глубоко вздохнув.

– Нет, мама уже больше никогда не воротится к вам, – беспрестанно твердили детям все, нисколько не подозревая, какую печаль вносят они этими словами в детскую душу.

Священнический дом был старинной постройки, очень ветхий, весь обросший снаружи ползучими растениями, именно такой дом, в каких особенно хорошо живётся детям и собакам, где пропасть разных нишей, глубоких окон, выступов каминов, закоулков, образуемых шкафами, и тёмных коридоров; это был именно такой дом, в котором можно бы-

ло с большим удобством играть в прятки во время сумерек и найти уютное местечко возле пылающего камина, чтобы выслушать кем-нибудь рассказанную сказку; одним словом, такой дом, в котором чаще, чем где-либо, могли слышаться детский смех, шум и возня разыгравшихся детей, их весёлые возгласы и детские ссоры. Но ни смех, ни резвость, ни веселье, ни детские ссоры не были терпимы в священническом доме, и, хотя все эти запрещённые вещи составляют необходимую принадлежность всякого места, где находится шестеро детей, тем не менее они проявлялись как-то робко, втихомолку, а если и слышался иногда смех, то он был сдержанный, подавленный, а не свободно-звонкий, каким вообще смеются дети. Это было вследствие того, что над всем домом и над сердцами детей тяготела холодная, мрачная фигура отца. Он был приходским священником в отдалённом захолустье Гольденрода, лежащем по обе стороны речки Дарт, куда он был переведён на место прежнего священника Геррика, добродушного, любящего, настоящего деревенского духовного пастыря, с которым он положительно не имел ничего общего. К несчастью его бедняжек детей, он был молчаливого и угрюмого характера, кроме того, очень скупой и строгий, так что, когда его тяжёлые шаги раздавались по коридору, Роб и Рэй спешили как можно скорее убежать прочь, а остальные малютки принимались плакать. Даже прежний небольшой запас отцовской нежности, находившийся в его душе, исчез с той самой минуты, как он похоронил свою же-

ну под развесистыми ивами в церковной ограде; так что дети положительно боялись его, боялись ужасно, с замиранием сердца.

А между тем отец их был, в сущности, хороший человек, то есть он был в высшей степени правдивый, честный, трудолюбивый человек, никогда не отступающий от точного исполнения своих обязанностей, как бы ни были они трудны, и никогда не позволявший себе ни малейших развлечений, как бы невинны они ни были. Но он был крайне угрюмым и суровым и притом ещё очень скупым — «кулак», как называла его Кезия. Приход его был разбросан на дальнейшее расстояние, но дохода приносил ему чрезвычайно мало, так как прихожане были народ бедный. Однако же он лично сам ни в чём не нуждался, так что у него был даже припрятан в банке небольшой капиталец, и хотя он далеко не находился в стеснённых денежных обстоятельствах, тем не менее жил как самый бедный человек, более по свойствам своего характера, чем вследствие необходимости; он был скряга в душе, и потому требования его в домашней и семейной жизни были крайне тяжелы для окружающих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.